

Дарья Кузнецова

СЛОВО ИМПЕРАТОРА
СЛУЧАЙНЫЕ ГОСТИ
Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ!

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Дарья Кузнецова

Я выбираю свободу!

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К89

Серия основана в 2011 году
Выпуск 239

Художник
Е. Никольская

Кузнецова Д. А.

К89 Я выбираю свободу!: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2320-0

Тилль, целительницу из диких, война лишила улыбки и желания жить. У Бельфенора, светлого боевого мага, унижительный мир отнял родную землю и право умереть в бою — все, что у него оставалось.

Они были по разные стороны линии фронта и привыкли считать друг друга врагами. У них нет ничего общего — кроме этой войны. Две разбитые жизни, волею случая дополнившие друг друга сколами и трещинами и скрепленные вместе прихотью судьбы. Что им остается? Борьба с неожиданно вспыхнувшими чувствами? Или наконец поверить, что война кончилась?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Кузнецова Д. А., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2320-0

***Бельфенор Намиаль Маальт-эль
из корней Серебряного Дуба***

Статуя выглядела... странной. Я разглядывал ее и никак не мог понять, нравится мне это изображение или нет. Художник, безусловно, был талантлив, и скульптура казалась живым существом, с неизвестной целью припорошенным мраморной пылью. А вот с сюжетом возникали серьезные трудности.

Начать с того, что на изображение местного героя, которое должно было вызывать уважение и почтение, я глядел сверху, и уже это было дико. Да и в остальном образ казался... малоприятным. Или, вернее, малопонятным. Мужчина сидел на корточках, одет он был в потрепанную полевую форму, причем эффект потрепанности скульптор явно придал одежде намеренно, и с легким насмешливым прищуром глядел на зрителя снизу вверх. В зубах зажата папироса, которую он прикуривал от огонька в правой руке, прикрытого от зрителя и ветра левой ладонью. У ног лежал разворошенный вещмешок, на плече висела винтовка, в запечатленный художником момент упершаяся прикладом в землю. Что касается лица статуи... насчет портретного сходства я не уверен, поскольку лично с этим героем знакомства не водил, но на все свои изображения он походил и полностью соответствовал всем рассказам о себе. Резко асимметричная стрижка с переходом от выбритого левого виска к спадающим до плеча длинным прядям справа откровенно диссонировала с безукоризненно правильными аристократическими чертами лица. А еще — выставляла на всеобщее

обозрение рваное левое ухо, украшенное дополнительно привлекающей внимание серьгой. Которая, кстати, на самом деле была серебряной, вставленной в каменное ухо статуи.

В конце концов я пришел к выводу, что каменная копия раздражает меня не меньше, чем покойный оригинал, и решил, что художник явно достоин похвалы уже за одно это. Но подобным «произведением искусства» я бы не украсил даже сортир для слуг.

— Ты, что ли, особо доверенный посланник и прочая, прочая? — раздался рядом недовольный женский голос, и я едва удержался от неприязненной гримасы. Адресована она была не неожиданной собеседнице, а окружению в целом. Местный слишком быстрый говор с раскатистым «эр», неразборчивыми «бэ» и «вэ» и неизменно мягкой «эль» всегда вызывал у меня ощущение, что собеседник то ли издевается, то ли слаб на голову.

Впрочем, последнее утверждение показалось особенно справедливым, стоило перевести взгляд на особу, привлекающую мое внимание. Это была... нищенка? Во всяком случае, первое впечатление говорило именно об этом, как бы дико это ни звучало. Хотя с местными ни в чем нельзя быть уверенным наверняка.

Взъерошенная копна волнистых черных волос (к счастью, хотя бы чистых), собранная в прическу, если можно применить это слово к подобному безобразию. Слева волосы заплели в несколько тонких косичек по направлению от лица к затылку, что создавало ощущение залысины, справа они свободно падали, перехваченные на уровне шеи несколькими витками обыкновенной бечевки. В ухе, кстати, поблескивала такая же серьга, как у статуи. Впрочем, как раз эта деталь вызывала меньше всего негативных эмоций: ушко было вполне изящным и даже красивым.

Узкое лицо тоже было красивым, только его обладательница относилась к собственной внешности откровенно наплевательски. Обветренные губы, впалые щеки и тени под

глазами, выдающие любительницу «сладкого забвения» — весьма популярного в последние годы наркотического вещества. Из-за этих тусклых синяков и без того темные глаза странного фиолетового цвета казались двумя провалами. Эльфы, конечно, бессмертны и от «сладкого забвения» не умирают, но подобная дрянь сказывается даже на нас.

Женщина была одета в простое мешковатое платье из грубого полотна, едва прикрывавшее колени. На гибкой стройной фигуре даже оно смотрелось бы почти пристойно, если бы не заплатки в нескольких местах и грязь по подолу.

Но самое главное, что окончательно вывело меня из равновесия — она была босой. Узкие маленькие стопы совершенной формы покрывала пыль, и я все-таки не удержался от неприязненной гримасы. Как можно настолько себя запустить?!

А ведь, если абстрагироваться от одежды и вот этой небрежности и представить эту неизвестную мне особу прилично одетой, получится нечто весьма эффектное и даже удивительное. Необычные яркие глаза, точеные черты лица, изящная фигура... Да один цвет волос — редкий, черный в синеву — чего стоит! Пожалуй, такой красотой не пренебрег бы и сам Владыка. Откуда она тут только взялась? И почему никто до сих пор не догадался взять за шкуру и как следует прополоскать это недоразумение в каком-нибудь водоеме, приводя в порядок? Никто не позарился и не пожелал разглядеть цветок под слоем мусора? Впрочем, не удивлюсь, если обитателей местного свинарника все устраивает и так.

Определенно, уничтожение подобной клоаки казалось достойной целью. Жалко, что все вышло именно так, как вышло.

— Что тебе надо? — спросил я. Получилось, к счастью, вполне ровно и даже нейтрально. Откровенно выказывать неприязнь даже к такому... позору вида — все же неприлично.

— Мне? — Нищенка вскинула брови, смерила меня взглядом. Взгляд был вызывающе-насмешливым, даже почти надменным, и принадлежал он полностью уверенной в себе и довольной своим положением эльфийке, а никак не несчастной оборванке. — Мне давно от вас ничего не надо, я уже получила все, что хотела. Это ты притащился стелить коврик для своего Владыки.

— Коврик? — переспросил я.

— Ну, умолять, стоя на коленях в пыли, это же так неэстетично, — язвительно фыркнула она.

— Еще одно слово в подобном тоне... — подчеркнуто холодно начал я, но женщина оборвала меня:

— Привыкай, светленький. Это — самый дружелюбный тон, на который вы можете здесь рассчитывать после того, как мы вас нагнули и хорошенько... выпороли, — рассмеялась она, и я с трудом удержался, чтобы не схватить ее за горло. За тонкую изящную шею, которую вполне мог сломать одним движением и даже, наверное, одной рукой. — Валек может миндальничать и следовать этикету, он вообще слишком добрый, а больше ни от кого ты другого обращения не дождешься. Еще скажи спасибо, что я согласилась потратить на тебя свое время и поработать экскурсоводом. И что согласилась именно я, а не кто-то из ребят, предлагавших радикально решить проблему вашего существования и основательно прополоть грядку под Великим Древом.

Я на мгновение прикрыл глаза и постарался взять себя в руки, призвать к порядку беснующееся внутри пламя. Задевали не столько ее слова, сколько общая ситуация, которую оборванка сейчас олицетворяла. Хотелось свернуть ей шею как кролику и сжечь дотла весь этот грязный обшарпанный город, но — такой возможности и такого права я не имел. Как ни противно это сознавать, женщина говорила правду. И, наверное, имела право злорадствовать. Они все имели на это право, потому что победили. Мы начали эту войну, же-

лая стереть их с лица мира, а они — прекратили войну, едва не стерев нас. Это... унижительно.

Унижительной казалась вся эта поездка, унижительным казался этот мир. Многие — и я среди них — предпочли бы умереть, но не видеть такого финала. Они дошли почти до самого сердца Светлого Леса, до Великого Древа. Владыка решил склонить голову, принять позорный мир, признать границы там, где дикие требовали изначально, и за эту гибкость его можно уважать. Можно, но у меня не получалось. Наверное, именно поэтому он — Владыка, а я просто вынужден до конца исполнить свой долг, следуя присяге. Как обычно.

Мелькнула злорадная мысль, что главное унижение — принародное, подлинное — ждет как раз самого Владыку, и это помогло смирить гнев. Потерплю. В конце концов, недостойно Первороденному впадать в ярость из-за нескольких слов какой-то... убогой. Недостойно, но в моем случае очень трудно сдержаться. Хороший маг огня — плохой дипломат и политик.

— Спасибо, — процедил я.

— Не за что, — ухмыльнулась светлая. — Ладно, пойдем, что ли. Покажу, где вам предстоит обитать. Сколько там жертвенных баранов намечается? — уточнила она. — Ну то есть, кроме тебя и твоего начальника кто-то еще будет, или, как обычно, все решили самоустраниться?

— Семеро, как и было оговорено. Владыка и Круг Силы.

— Ишь ты, какой Валек молодец, пробил-таки! — проговорила она, восторженно присвистнув. Свист получился резким и пронзительным, к тому же прозвучал прямо над ухом, так что я поморщился. — Ладно, звать-то тебя как, убогий?

— Фель, — вскользь бросив на нее взгляд, коротко ответил я.

— Что, и все? — Нищенка удивленно вскинула брови. — А как же всякие «несравненный», «древний» и «первородный»?

— Если ты называешь Валлендора «Вальком», меня непременно постигнет та же участь. Так пусть хотя бы кличка будет благозвучной, — отозвался я, стараясь не глядеть в ее сторону и по возможности дышать неглубоко. Вблизи оказалось, что от женщины ко всему прочему сильно и крайне неприятно пахнет не то гнилой кровью, не то человеческим потом, не то лошаадьми, не то вовсе — навозом и какими-то прелыми травами. А, может быть, всем понемногу.

— Какой догадливый, — со смешком похвалила она. — Что ж тебя, такого умного, вперед послали, не пожалели?

— А есть разница? — Я насмешливо вскинул брови.

— Мне любопытно.

Ответить на этот вопрос я не успел. Понятно, откровенничать с грязной нищенкой не собирался, но даже съязвить мне не дали. Чуткие уши уловили какие-то крики и возгласы, доносившиеся, кажется, с соседней улицы. Проводница замерла, настороженно вскинувшись и прислушиваясь, потом ускорила шаг, явно направляясь к ведущему в ту сторону переулку. Окликать и уточнять, что происходит, я посчитал ниже своего достоинства и просто последовал за ней: мертвые камни, из которых сложен этот город — совсем не лес, в котором любой эльф легко найдет дорогу. Впрочем, если бы это был лес, ничего бы не изменилось, я все равно не знал, куда лежит наш путь.

Город, построенный на человеческий манер, душил. Под ногами не чувствовалось земли — лишь камни мостовой. Вокруг почти не попадалось зелени — лишь невысокие каменные дома с покатыми черепичными крышами. Нет, деревья встречались, а дома не жались друг к другу вплотную, как это часто происходит в человеческих городах, но они своим количеством, скорее, подчеркивали чуждость этого места эльфийской природе. В высоком небе кружили вороны, их здесь развелось великое множество, в закоулках и под кустами ощущалось навязчивое присутствие крыс — и на этом неразумные обитатели заканчивались, что тоже не поднимало настроения.

Когда мы быстрым шагом дошли до угла, навстречу вылетело нечто мелкое и чумазое, больше всего похожее на чахлого голема или земляную элементарь. Оно увернулось от столкновения, намереваясь продолжить начатый путь, но проводница ловко перехватила беглеца поперек туловища. При ближайшем рассмотрении сгусток грязи оказался человеческим ребенком, воняющим, как... как люди. Но мою спутницу это не смутило.

— Вадик, что случилось? — уточнила она. Ребенок перестал сопеть и выдираться, вскинул на светлую взгляд — и зареванная грязная физиономия просияла щербатой улыбкой. Насколько я помню, зубы у людей меняются быстро, лет в семь. Они вообще взрослеют примерно в два раза быстрее, чем Перворожденные.

— Тилль! Как здорово, что это ты! Там Машка, она... в общем... змей... а крыша... мы нечаянно! — так и не сумев толком ничего объяснить, мальчишка разревелся.

— Пойдем, — решительно кивнула эльфийка, перехватывая детскую ладонь, и через плечо бросила взгляд на меня. Кажется, просто чтобы удостовериться в наличии. Ничего не сказав, двинулась туда, откуда прибежал человек, и мне вновь пришлось идти следом.

Шум усиливался. Место происшествия удалось легко определить по небольшой встревоженной толпе, собравшейся вокруг, разношерстной и пестрой. Перворожденные, люди, лохматые полузвери, несколько коротышек, даже пара монументальных орочьих фигур, возвышающихся над улицей. Но мне удалось сохранить невозмутимое выражение лица; наверное, начал привыкать к внешнему виду здешнего населения.

— Тилль! — Первым мою спутницу заметил высокий юноша, выделявшийся из толпы в лучшую сторону: он единственный напоминал Перворожденного не только чертами лица, но и общим достоинством, и одеждой.

Появлению нищенки он так обрадовался, будто меня сопровождала сама Тана, покровительница жизни и целите-

лей, которую часто называли Матерью-Природой. Имя облегченным вздохом прокатилось по кучке разумных и отразилось в глазах надеждой.

Да что у них там случилось и чем им может помочь оборванка?

Впрочем, стоит признать, что нищенкой свою проводницу я называл уже машинально. Здесь вообще, даже среди Первороденных, попадалось очень мало прилично одетых разумных существ, и на общем фоне Тилль не выделялась. Почти все присутствующие сверкали босыми пятками, а одежда была латаная-перелатаная. Нищета казалась всеобщей, подавляющей и оттого еще более омерзительной.

Присутствующие расступились, и нашим глазам предстала удручающая картина: на выщербленной брусчатке лежала человеческая девочка чуть старше Вадика. Наверное, та самая Машка. Над ней, что-то бормоча, стояли на коленях двое блохастых гризов, а рядом сидела, держа девочку за руку, совсем юная Первороденная и шептала что-то утешительное, торопливо утирая собственные слезы рукавом. Еще двое детей — эльф и звереныш — в голос рыдали на широкой груди пожилой гномки, которая была ненамного выше их. Та сокрушенно качала головой и без разбора гладила лохматые макушки, белую и рыже-бурую.

— Пригляди, — бросила Тилль в сторону, передавая ребенка первому попавшемуся взрослому, которым оказалась молодая орчанка. Зеленокожая молча подхватила мальчика на руки. Впрочем, с ее ростом и габаритами она не только саму нищенку подняла бы без труда, но и меня — тоже.

Вблизи картина происшествия прояснилась. Похоже, девочка полезла на крышу за воздушным змеем, чьи яркие крылья трепетали сейчас около конька под легким ветерком. Но старая черепица не выдержала веса даже такого тщедушного тела, и Машка сорвалась вниз. Зачем, спрашивается, вообще лезла, с человеческой-то ловкостью? А, вернее, полным ее отсутствием.

Девочка еще была жива, но вот шансы на выздоровление у нее отсутствовали. Я не целитель, но даже мне стало понятно, что у нее раздроблен таз и наверняка поврежден позвоночник. Даже странно, что она все еще не потеряла сознания; наверное, эльфийка с блохастыми уняла боль и остановили кровь.

Тилль торопливо опустилась на колени рядом с изломанным телом.

— Марьяна, ну как же так? — мягко проговорила она, кладя узкую ладонь на детский лоб. — Сколько вам можно твердить: осторожнее со старыми домами!

— Крыша выглядела крепкой, — прозвучал в ответ слабый голос.

— Матери скажу, будешь до совершеннолетия в углу стоять, — проворчала Тилль. — Вот выдерет так, чтобы сесть не могла, и в угол поставит. Или лучше к себе тебя заберу, чтобы некогда было на глупости отвлекаться.

Почему-то ее слова никто не посчитал грубой насмешкой, и через мгновение я получил ответ на свой невысказанный вопрос. Ответ, которому поначалу просто не смог поверить.

Лицо обдало прохладным ветром, пахнущим тополями после дождя и прелой листвой; именно так я всегда ощущал магию жизни и смерти. Слышать эти два запаха одновременно приходилось всего несколько раз, когда кто-то из старших целителей выводил меня из-за самой Грани.

Босая оборванка с изможденным лицом наркоманки оказалась целительницей настолько высокого уровня, что сам Владыка не погнушался бы обратиться к ней за помощью и поклониться в пояс. Я наконец-то пригляделся внимательнее к ее тусклой ауре и вдруг понял, что круги под глазами — последствия не «сладкого забвения», а хронического магического истощения. Что должна была сделать магичка такого уровня, чтобы довести себя до подобного состояния, попросту невозможно представить.

А впрочем, зачем ходить далеко? Вот же наглядный пример. Сила щедро вливалась в тщедушное тельце бесполезного существа, которое казалось куда проще добить: все равно люди плодятся как тараканы, и потеря еще одного не стала бы трагедией. Подобное расточительство сложно не то что принять — понять, и я в молчаливом недоумении наблюдал, как не только наливаются краской бледные чумазные щеки, но заживают малейшие царапины и ссадины на коже. Силы Тилль не жалела и не берегла. Если она всегда так действует, удивительно, что до сих пор жива, несмотря на потенциальное бессмертие Перворожденных.

— Улух, отнеси, пожалуйста, ее домой и передай матери, пусть пару дней не дает вставать, — не поднимаясь, обратилась целительница к орку. В его лапах тощая девчонка выглядела как дохлая курица, вот только держал свою ношу здоровяк до странности бережно.

Тилль начала подниматься и пошатнулась. Ее подхватил под локоть один из блохастых, и эльфийка поблагодарила за помощь кивком. Вновь поднялся гам, на этот раз — радостный и благодарный, каждый норовил обнять целительницу или погладить по плечу или волосам. Считается, что прикосновение к работающему или только закончившему сложную работу и не избавившемуся от остаточного магического фона целителю дает прикоснувшемуся защиту и удачу во всем, что касается здоровья. Суеверия живучи, но я представлял себе, какая удача ожидала идиота, возжелавшего пощупать, например, Иллиналь, тысячелетнюю верховную целительницу Светлого Леса. А эта только улыбалась устало, кивала, коротко отвечала на какие-то вопросы и продолжала держаться за локоть хмурого полузверя, с неодобрением глядящего на пошатывающуюся от усталости Перворожденную.

Зверь был матерый, молодой и сильный; из тех, что способны разорвать двухлетнего быка голыми руками. Смертоносные когти привлекали взгляд глянцево-блеском черной, будто полированной поверхности, короткие «усы»

раздраженно топорщились на жутковатой морде — не то человеческой, не то волчьей, не то медвежьей. Небольшие острые прижатые уши полностью терялись в лохматой бурой гриве, а длинный прямой хвост раздраженно подергивался. Требовалось постараться, чтобы не заметить его раздражения.

Интересно, долго он еще будет терпеть такую фамильярность и служить подпоркой? Насколько я знал обычаи блохастых, тактильные контакты с посторонними их чудовищно раздражали, исключение делалось только для брачных партнеров и детей до определенного возраста.

Впрочем, я опять не угадал, но на этот раз уже не удивился подобному повороту дел.

— Да разойдитесь вы, оставьте девочку в покое, — в конце концов раздраженно осадил гриз увлекшихся жителей. Странно, но те опомнились сразу, даже начали торопливо извиняться, и толпа очень быстро разошлась. Правда, сам блохастый уходить не спешил, наоборот, осторожно приобнял целительницу свободной лапой. Тилль с блаженным вздохом уткнулась лицом в густую шерсть на груди полузверя, крепко обняла его обеими руками.

Кхм. Стало быть, они *настолько* не посторонние? Странно, я раньше думал, это все бредни, и блохастые с другими разумными видами физиологически несовместимы.

А еще полагал, что сильнее презирать местных уже некуда.

— Спасибо, Шир, — невнятно проговорила целительница.

— Тилль, тебе так не терпится за Грань? Когда ты последний раз отдыхала? — укоризненно вздохнул зверь.

— Нет, ну а что? Я там бывала, там хорошо... Тихо, спокойно, никто не норовит разбудить среди ночи, — со смешком возразила эльфийка, а ее собеседник только раздраженно рыкнул в ответ, вздыбив холку. — Не сердись, я же шучу.

— Смотри, услышат духи твои шуточки, — укоризненно качнул головой полузверь. — А этот тут зачем? — мрачно

поинтересовался он, недобро сверкнув на меня желтыми глазами. Я даже не шелохнулся — точно знал, что его взгляды, когти и клыки не помогут.

— Ну как же? Забыл, сегодня к вечеру светлые притащатся просить пощады? — пояснила Перворожденная и отстранилась, кажется, только теперь вспомнив о моем существовании.

— Давай я вырву ему горло, а Валлендору скажем, что это самооборона? — угрюмо предложил блохастый, и шутки в его словах не было ни на волос.

— Шир, ну что ты как мальчишка, — отмахнулась женщина, потрепав его по щеке. Зверь только недовольно дернул ушами, и даже я понял: раздражало его не фамильярное прикосновение, а слова. — Ладно, пойдем мы, еще дел невпроворот, а время... сам знаешь.

Окончательно поставив меня в тупик относительно их взаимоотношений, полужверь погладил Тилль по щеке, коротко лизнул в лоб, выпустил из объятий и, не оглядываясь, направился прочь по улице.

— Ну что, болезный, пойдем, — целительница усмехнулась, окинув меня взглядом, и мы вернулись в тот же переулок.

— Почему ты ходишь босиком? — все-таки не удержался я от вопроса.

— Потому что у меня нет лишних денег на сапоги, — совершенно спокойно ответила она.

— У целителя такого уровня? Нет денег? — уточнил я, вскинув брови. В ответ оборванка смерила меня полным жалости и насмешки взглядом.

— Ты еще спроси, что целитель такого уровня делает в этом месте.

— И что же? — спросил, впрочем, догадываясь об ответе.

— Свою работу. Сейчас — именно свою работу, — проговорила она с усмешкой, но взгляд оставался странным, пустым. — Не решаю, кому жить или умереть в зависимости от

высоты родового древа или количества золота в руках, а просто помогаю тем, кому это нужно.

— Но лечить человека? — поморщился я. Она неопределенно хмыкнула, передернув плечами, а потом тихо заметила:

— С высоты своего жизненного опыта могу заметить, что люди порой достойны помощи гораздо больше, чем некоторые... Перворожденные.

— Может, вы еще и разбавите человеческой свою кровь?

— Лучше так, чем довольствоваться застывшей болотной жижей. — Спутница вновь устало пожала плечами. — Но, надеюсь, ты изучал в детстве биологию и знаешь, что появление полукровок невозможно даже теоретически, все-таки мы — представители разных видов. Ну вот и пришли.

— Что это? — уточнил я, с неприязнью разглядывая фасад здания. Его отделял от улицы небольшой запущенный сад, и это был плюс. Единственный плюс. Угрюмая каменная коробка щерилась на мир небрежно заколоченными окнами. Когда-то дом, наверное, выглядел как весьма роскошный особняк, но теперь невозможно было даже определить изначальный цвет выгоревшей и обшарпанной штукатурки. Колонны, поддерживающие балкон второго этажа, облупились, а две крайних слева вовсе треснули и грозили рухнуть. Левое крыло выглядело особенно жалким и держалось на честном слове, кажется, пострадало, когда под городом шли бои. Полагаю, с тех пор здесь никто не жил.

Внутри заходить не хотелось. Подозреваю, там ситуация еще плачевней.

— Посольство, — не без ехидства откликнулась она.

— А вы не могли привести это... в относительно жилой вид? — уточнил брезгливо.

— Тебе рассказать, где находится большинство наших специалистов-вещевиков, или сам припомнишь? — скучающим тоном уточнила Гилль. — А те, кто остался жив, слишком заняты более важными вещами, чем обеспечение комфорта горстке бледнорылых.

Мне осталось только промолчать. В прошедшей войне вещицы ценились как хорошие боевые маги и даже выше. Заставить боевого мага служить против воли слишком трудно, чтобы ставить это дело на поток, а магия и воля вещиц — она другая. Пластичная. Покорная.

Правда, вещицы в итоге все же нашли способ избежать плена: уходили за Грань, когда понимали, что попались. Все уходило, не только короткоживущие люди — практичные гномы, даже Первородные предпочитали уйти, чтобы не делать для врагов оружие.

Все дело, конечно, в нем и только в нем, а не в умении предметников договариваться с неживой материей. Длинные тонкие стволы винтовок и тяжелые острые пули, испещренные рунами, — артефакты, придуманные пару веков назад не то темными, не то гномами, не то нашими умельцами. Крошечный и крайне дорогой из-за сложности изготовления кусочек металла, способный отправить за Грань даже бессмертного.

Я хорошо знал ощущение, когда острая головка пули вгрызается в тело и собственная кровь будто превращается в очень злое пламя, жаждущее сожрать твои потроха. Из меня таких за время войны достали шесть штук, а пару вымазанных моей кровью и прошивших меня насквозь я сам выковырнул из дерева и стены. Был бы sentimental до такой степени, чтобы носить на груди как амулет, можно было бы собрать целое ожерелье.

Боевые маги — основная мишень снайперов, но я оказался феноменально везучим. Или невезучим, учитывая мое нынешнее положение?

— Могу выдать ковриков на всех; вы же любите деревья, поспите на открытом воздухе, — продолжила ехидничать проводница.

— Грязных и с блохами? — уточнил, не глядя в ее сторону.

— Как догадался?

— А что еще можно найти на этой помойке, — пожал я плечами.

— Все лучшее — гостям, — приторным тоном пропела собеседница. — В общем, в перемещениях тебя никто не ограничивает, но помни, что светлых здесь не любят. Очень не любят, — напутствовав меня таким образом, она вознамерилась уйти, но я все-таки окликнул и задал еще один вопрос:

— Почему — Тилль?

— В юности прозвали. За смешливость, — после короткой паузы отозвалась она и ушла, а я остался один перед полуразрушенным домом среди заброшенного сада.

Тилль в переводе на всеобщий¹ — колокольчик. А еще так зовут звонкую яркую пичужку, приносящую весну.

Давно, видать, была та юность...

Некоторое время я еще постоял, ни о чем не думая, а потом сосредоточился на деле. Я — стихийник с серьезным перекосом в боевое направление, и починить дом не смогу, но на уборку меня хватит. Будем надеяться, что здание после этой процедуры не рухнет. С другой стороны, пусть оно лучше рухнет сейчас, чем обрушится на головы обитателей некоторое время спустя.

Тилль

Эльф был... светлый. Настолько светлый, что натурально захотелось запить это зрелище орочьей полынной настойкой. Полфляги вылить в себя, вторую половину — ему

---

¹ Откуда взялся всеобщий язык — достоверно не известно. Считается, что это язык богов, и именно на нем они говорили, когда пришли в мир. Косвенно это подтверждается непохожестью всеобщего на языки отдельных народов — эльфийский, гномский, орочий и человеческий. Собственный язык гризов представляет собой сложную смесь из коротких отрывистых звуков и языка тела, очень беден и далеко не всегда признается отдельным языком. Личные языки живут наравне со всеобщим и не забываются ни одним видом, но распространены, по понятным причинам, значительно уже. На них общаются в основном дома в кругу семьи или, напротив, в некоторых формальных ситуациях и при совершении обрядов.

на голову, чтобы хоть немного разбавить цветовую гамму. И вообще, говорят, светлым идет зеленый.

Снежно-белые волосы — причем действительно «снежно», они даже искрились на солнце — на лбу были прижаты узкой полоской расшитого хайратника, не дающего им лезть в лицо, и дальше свободно спадали по плечам где-то до талии. Безупречные черты лица — прямой нос, волевой подбородок, красиво очерченные губы, брови вразлет — несли явный отпечаток недовольства окружающим миром. Проще говоря, губы были слегка поджаты, брови — нахмурены. Да и вся поза выражала презрение, если не отвращение. Не думаю, что провинилась только статуя, которую этот тип разглядывал; скорее, его раздражал весь город. И его жители, конечно. Светлый же, тут долго думать не надо, чтобы предсказать реакцию!

Безупречно белая рубашка с расстегнутым воротом и свободными рукавами, на вид новые узкие коричневые штаны и начищенные до зеркального блеска сапоги — все присутствовало на положенных местах. Я пробежалась взглядом по фигуре засланца и с некоторым удивлением отметила несоответствие реальности ожиданиям. Странность заключалась в том, что светлый был... матерым, не знаю уж, как еще кратко выразить общее впечатление. Опытный, взрослый, не только самоуверенный, как они все, но — небезосновательно уверенный в себе. Это угадывалось и по лицу, если приглядеться, но по фигуре читалось гораздо отчетливей.

Я, признаться, ожидала, что пришлют какого-нибудь мальчишку, или форменного неудачника и всеобщее посмешище, или, напротив, какого-нибудь хищника от дипломатии, который и сам забыл, когда его лицо отражало эмоции, не приличествующие случаю. А этот, похоже, был воином.

Приглядевшись к ауре ожидающего эльфа, я удивленно вскинула брови и качнула головой в такт своим мыслям. Воином, да еще каким! Аура полыхала так, что смотреть больно. Стихийник с уклоном в пламя, то есть — настолько

боевой маг, насколько это вообще возможно, да и силой его боги не обделили.

Я пригляделась к лицу внимательней, пытаюсь вспомнить. Мы наверняка где-то да встречались, такой не мог всю войну просидеть, держась за рукав Владыки. Но — бесполезно, память оказалась бессильной. Никаких запоминающихся черт лица, типичный светлый. Типичный прекрасный светлый, как их только не тошнит от собственной всеобщей безукоризненности?

Только идиоты думают, что эльфы помнят все: не могла наша прародительница обречь нас на столь страшную участь, за что ей большое спасибо. Умение забывать — едва ли не единственный способ выдержать вечную жизнь.

Но мне уже всерьез стало интересно, почему светлые прислали именно его. Уж не хотят ли устроить какую-нибудь диверсию? Владыка, понятно, настроен на мир — он как угодно готов унижаться, лишь бы сохранить свою светлую задницу — но все ли с ним согласны?

Отвлекаясь на несколько мгновений от пришлого, я окинула взглядом окружающее пространство.

Никогда не любила это место — Портальную площадь. Вернее, раньше оно мне было безразлично, но в последние годы я старалась его избегать. Да, честно говоря, не только его: меня нервировали открытые, хорошо просматривающиеся пространства, окруженные возвышенностями. Но в данном случае имелись другие мотивы, никак не связанные с военными привычками и профессиональной деформацией.

Я не любила эту выщербленную брусчатку. Не любила полуразрушенные арки порталов в центре — они в таком виде напоминали изломанную грудную клетку какого-то полусгнившего существа. Обломанные колонны дугами ребер торчали из груды прочих останков, грозя небу рваными сколами. И единственная целая арка, совсем недавно восстановленная, на этом фоне выглядела особенно жалко и убого, как жалко и убого выглядит оправдание проигравше-

го кампанию и положившего армию командира: «Зато я выжил».

Через пару лет это место, наверное, будет выглядеть совсем иначе. Наверное, даже красиво. Я на это надеюсь, вот только... получится ли забыть нынешний трупный вид площади? Забывать эльфы умеют, но некоторые обрывки воспоминаний продолжают настойчиво скрестись в черепе и за грудиной. Как назло, все они из числа тех, которые и хотелось бы забыть, да не получается.

Пока я стояла в стороне, порталышки, выполнив свою работу, ушли с площади. Похоже, гость этот пока был единственным, остальные собирались явиться вечером, так что оставалось брать, что дают. Я последний раз глубоко затянулась, докуривая папиросу, затушила между пальцами и бросила окурок в мятую старую урну, каким-то чудом пережившую все злоключения города. Подмигнула и послала воздушный поцелуй старой часовой башне, стоящей на краю площади, после чего решительно двинулась к эльфю.

Башня выглядела ровно как та урна — мятая, облупленная, но живая. Весь город выглядел так же, да и его обитатели, пожалуй, тоже. Часы на башне давно уже стояли, и пока она выполняла только свою основную функцию — фокусировала магические поля для облегчения работы порталов. Вернее, портала. Он пока тоже был один.

Сегодня башне предстояло послужить на пользу города и в другом качестве: там дежурил снайпер. С позиции как на ладони открывались площадь, улица, по которой мне предстояло провожать светлого, и даже бывшее здание посольства темных, куда планировали сейчас поселить его со товарищи. Потому, собственно, и планировали, что все подходы просматривались всего с двух точек и не надо было держать на стреме лишних стражей.

Светлые, конечно, пришли заключать мир, только в общении с ними перестраховка никогда не лишняя.

Здание посольства, к слову, поставили здесь сами темные в качестве официального представительства на здеш-

них землях. Во время войны всех его обитателей, разумеется, эвакуировали, и с тех пор здание пустовало. Но чем боги не шутят, может, сюда когда-нибудь вернуться темные? Они вроде бы относились к Красногорью лояльно и были настроены на дипломатический контакт.

Вблизи первое впечатление, произведенное белобрысым, подтвердилось. Действительно — боевой маг с большим опытом: слишком хорошо он себя контролировал для огневика такой силы. А магия у него буквально из ушей текла, даже глаза оказались вишневыми — зримое проявление силы. Глаза все-таки отражают душу, и когда половина этой души состоит из магии какого-либо одного рода, это не может не наложить отпечатка, по цвету глаз порой можно отличить сильного мага от всех остальных. Не всегда, конечно, потому что некоторые цвета вполне нормальны и могут возникнуть естественным путем, но красные глаза попадают только у огневиков.

Еще у меня порой бывают от недосыпа, но это немного другая ситуация.

Увы, собеседник оказался не только сильным, но и достаточно сообразительным, и полного своего имени не назвал. Расстроило меня это не столько упущенной дополнительной возможностью поддеть беловолосого зануду, но главным образом утерянным шансом наконец-то вспомнить личность пришельца. Полное имя могло прояснить ситуацию, но — увы. А, впрочем, сегодня вечером в любом случае узнаю, на официальном мероприятии его наверняка назовут. Это я давно уже обхожусь прозвищем, а светлый... да он скорее застрелится!

Появления Вадика и падения его сестры с крыши при составлении плана, увы, никто предусмотреть не мог, как не могла и я пройти мимо, поэтому пришлось немного отклониться от маршрута. И от данного себе обещания сегодня не магичить. Есть такая старая человеческая поговорка: «От работы кони дохнут». Интересно, у меня получится доказать, что эльфы не родственники лошадям, или наоборот?

Полбеда, что я опять выложилась, главное, умудрилась напрочь забыть о присутствии рядом светлого. Расслабилась, совсем бдительность потеряла! Работа до потери сознания оказалась не таким уж надежным средством от хандры и отупляла почему-то совсем не тогда, когда это требовалось.

Пока я приходила в себя, подпитываясь добровольно отданной силой Шира, успела мысленно посочувствовать тому, кто сейчас дежурил на башне. Он ведь видел, как Марьяна полезла на эту проклятую крышу. Видел, но не мог ничего изменить, не мог оставить пост. Может, даже связался с командиром и позвал на помощь, только на его состоянии это вряд ли могло как-то сказаться.

Самое отвратительное ощущение, когда ты все видишь, все чувствуешь — а изменить ничего не можешь. Не так страшно, если просто не хватает сил и способностей, здесь можно утешить себя тем, что сделала все, что могла. А вот когда в дело вмешиваются присяга и приказ...

Отгнав ненужные мысли и заставив себя вспомнить, что сама сейчас заставляю «кукушку» дополнительно нервничать, отстранилась от Шира. Хватит.

Гризы — необычные существа. Мне всегда было интересно, кто из богов приложил руку к их созданию, потому что никто не признавался. Такое впечатление, что они самозародились на каком-то витке истории в глухих и диких дебрях Древнего Леса.

Они настолько стайные, что физически не способны долго жить в одиночестве: незамкнутые энергетические каналы вынуждают этих сильных звероподобных разумных существовать тесными общинами, потому что только так возможен постоянный энергетический обмен, необходимый им для выживания. Они могут на короткое время замыкать собственное поле, но это равносильно удержанию большого веса в вытянутой руке. Сколько-то можно потерпеть, но рано или поздно настанет момент, когда мышцы устанут и рука опустится.

Собственно, поэтому гризы и не выносят близких контактов. Когда кто-то прикасается, вторгаясь в это самое поле, держать его закрытым гораздо тяжелее, не у всех получается. Увы, представители других видов не могут дать им что-то взамен, зато усвоить их собственную энергию способен любой мало-мальски приличный маг. От уничтожения и повышенного внимания последних мохнатых спасают немногочисленность, обособленность и низкий энергетический потенциал: мало-мальски приличному магу сила гриза и даром не нужна, это как один лист на старом дереве. А вот всяким несознательным целителям такое подспорье бывает очень кстати, и Шир об этом знал, не просто же так полез обниматься!

У нас с лохматым странные взаимоотношения. Я старше него не на годы — в разы, но при этом он относится ко мне с покровительственной снисходительностью. Кажется, считает меня кем-то вроде одного из своих щенков и потому по возможности опекает. Смешно, но... приятно.

Проводив Фея до места назначения и убедившись в очередной раз, что светлые не способны удивить меня своими взглядами на жизнь, прошла немного назад вдоль улицы и остановилась в тени одного из деревьев, чтобы понаблюдать за действиями мужчины и еще раз попытаться вспомнить, где я все-таки его видела?

Светлый стоял, и я тоже стояла, машинально ощупывая карманы. Достала старый мятый портсигар — под слоем патины и гари сложно было определить изначальный цвет металла — и заглянула внутрь. М-да. Какая неприятность. Вытряхнув на ладонь одинокую папиросу, пообещала себе сегодня же накрутить еще. Отличное медитативное занятие, которое совсем не требует магии — то, что нужно для отдыха!

Правда, тут же вспомнила, что сегодня намечаются судьбоносное пришествие, подписание капитуляции и большой праздник в честь всего этого, и с неудовольствием проводила взглядом светлого, наконец-то сдвинувшегося с места и

скрывшегося за густым бурьяном. Несправедливо. Мы вроде бы победили, так почему я из-за этого должна страдать?

Сплюнув под ноги, все-таки покинула наблюдательный пункт и направилась в сторону правления для оказания моральной поддержки Вальку, на ходу прикурив от дрожащего в пальцах робкого огонька. Это один из немногих фокусов, которым я сумела научиться у стихийников, на большее моих способностей не хватало. Очень полезная способность: без курева можно и обойтись, а вот развести костер после двух недель проливных дождей — уже искусство.

— Тилль! — буквально через полсотни шагов окликнул меня знакомый голос. Я тоскливо скосила взгляд на папиросу в руке, прикидывая, куда бы ее срочно спрятать и как побороть собственную жадность — все-таки последняя! Правда, через мгновение недовольно одернула себя и обернулась как есть, даже справилась с рефлекторным порывом спрятать дымящую сигарку за спину. В конце концов, я взрослая самостоятельная женщина, давно уже живущая своим умом, а не неразумный подросток, застигнутый строгим папашей за недозволенным занятием! И вообще, я имею право на маленькие слабости. У меня, в конце концов, стресс. Перманентный. Уже давно.

Да и... бесполезно, честно говоря. Он все равно как-то чувствует.

Позор на мои седины, но именно последний аргумент был решающим.

— Привет, Коля, — кривовато улыбнулась я подошедшему мужчине. — Какими судьбами?

— Сообщили, что девочка с крыши упала, я побежал оказывать помощь, но на месте выяснил, что припозднился. Тилль, ну что это? — Он укоризненно нахмурил брови, недвусмысленно указав взглядом на папиросу. — Опять нашла всякой дряни?

— Я бессмертная, мне можно, — огрызнулась для порядка, но взгляд ясных голубых глаз стал настолько укориз-

ненно-проникновенным, что в душе поднялось чувство протеста и стыда.

Вот как он это делает, а? Я каждый раз в такие моменты подозреваю его в применении ментальной магии, но люди на нее от природы не способны.

Коля, он же Николай Колос, тип настолько колоритный, что второго такого во всем Зеленой траве — как называется наш мир в переводе с эльфийского на всеобщий — не сыщешь. Два метра ростом, плечи шириной в две меня, пальцами может гнуть стальные прутья, а завершает образ гладко выбритый череп с выступающими надбровными дугами. Если показать его, к примеру, Фелю, тот скорчит морду куриной гузкой и назовет Колоса тупой обезьяной. В лучшем случае.

А между тем Коля — редкий умница, человек с золотыми руками и сердцем из лунного камня¹. Боги обделили его при рождении магией, но это не помешало ему стать Целителем с большой буквы. С куда большей, чем я, потому что я — дура с большим резервом, а он — гений вовсе без оногo.

Сильный маг-целитель может затворить любую рану, но на это требуются силы. Хорошо, когда кругом мир, благоденствие и процветание — тогда нет нужды в экономии. А вот когда целителей мало, и те, что есть, падают от истощения, руки и светлые головы таких, как Колос, спасают жизни и пациентам, и магам. Потому что одно дело — магией заставить кость вернуться в исходное положение, свести ткани, остановить кровь, соединить сосуды, и совсем другое — заживлять уже чистую, промытую, выправленную рану или ассистировать подобному специалисту, унимая боль пациента и удерживая кровотечение, расходуя силу строго дозированно, по чуть-чуть.

И это не говоря о том, что Николай — человек очень добрый и сострадательный. В той степени, что у меня порой

---

¹ Эльфы полагают лунный камень символом самопожертвования, верности и терпеливого мужества.

складывается ощущение: Колос надо мной издевается. Потому что в этом пропитанном кровью до раскаленного нутра мире такое светлое существо просто не могло появиться на свет.

— Глядя на тебя, я в этом сомневаюсь, — вздохнул он и качнул головой. — Опять выложились?

— Я же не знала, что ты на подходе, — виновато поморщилась я. — А ты меня целенаправленно искал или это случайно получилось?

— Что-то среднее, — белозубо улыбнулся он. — Мне сказали, в какую сторону ты пошла, и я решил сделать небольшой крюк, чтобы попробовать пересечься и поинтересоваться твоим самочувствием.

— Да хорошо я себя чувствую, что ты как наседка, — раздосадованно вздохнула. — Я уже достаточно большая девочка. И вообще, сегодня-завтра отдыхаю, выходные у меня.

— Я заметил, — иронично хмыкнул Колос. — Откуда такой неожиданный эгоизм?

— Надо же иногда отдыхать! — проворчала в ответ.

— Дай угадаю, — не поверил Николай. — Валлендор все-таки не выдержал немого укора в твоих чудесных глазах, контрастно оттененных синяками?

— Все-то ты знаешь... Сказал, чтобы меня не было на рабочем месте на расстоянии выстрела, и обещал проконтролировать. А ты сейчас обратно в госпиталь? — уточнила тоскливо.

Колос состоял в военном госпитале — единственной на данный момент действующей больнице города — главным целителем. То есть номинально — моим начальником. Немного неожиданный выбор, но что поделать, если целители-маги обычно всем коллективом находятся в нескончаемой позиционной войне с цифрами? В том смысле, что терпеть не могут считать, планировать и решать далекие от профессиональных вопросы, а главный целитель — должность, скорее, административная. Даже у светлых со-

седей, насколько мне помнится, эти должности занимают либо эльфы с очень слабым даром (а это редкое явление), либо вовсе без оно, либо специалисты каких-то других отраслей магии. Например, менталисты, специализирующиеся на заболеваниях психики, или вовсе вещевики, из которых в силу склада характера получают отличные управленцы.

А Колос, помимо прочих достоинств, еще и весьма хозяйственный мужчина. Я же говорю, очень нам с ним повезло.

— Тилль, вот как думаешь, что со мной сделает наш всенародно избранный и богами одобренный, если я тебя сейчас с собой прихвачу? — вздохнул он, без труда прочитав за словами истинную причину моей тоски.

— Мы ему скажем, что я сама пришла, а ты не видел, — слегка оживилась я. Затушила пальцами окурочку и, за неимением в окрестностях мусорного ведра, сунула в карман. В принципе, можно было просто разрушить, но хаотическая магия дается мне еще хуже стихийной, проще доверить профессионалам. А к аккуратности меня приучили с детства.

— Ладно, уговорила. Есть полезное дело, где не потребуются магия, — со смешком сообщил он. — Заодно меня подменишь, а то я зашиваюсь. Опять же развлечешься.

— Коля, я тебя обожаю, — просияла я, но тут же нахмурилась, заподозрив подвох. — Это чем я развлекаюсь буду, поподробнее, а?

— Видишь, какое дело... студентов на стажировку прислали, — смущенно сознался Колос. — Надо им все показать-рассказать, расселить и поставить на довольствие. Я бы и сам походил или кого-нибудь другого привлек, но раз тебе все равно хочется чем-нибудь себя занять...

— И куда их будут расселять? — растерялась я.

— Обещали принять в казармах, — развел он руками. — Не лучшие условия, но там, по крайней мере, цела крыша, имеются койки и через окна почти не сифонит.

— А откуда ребята-то? Маги или специалисты?

— Все вперемешку. Сама же знаешь, какой бардак был при эвакуации. Бумага пришла за подписью ректора Ремесленной академии, но с печатью Нового общемагического. По-хорошему, стоит отправить их обратно и затребовать нормальные бумаги, только ребят жалко. На улицу их выгнать, что ли? Вот, кстати! Ты чаще в правлении бываешь, узнай там у кого-нибудь, что за чехарда с учебными заведениями?

— Хорошо, спрошу. Пойдем, покажешь юные дарования.

Война начиналась не в нашу пользу, нас теснили, и всевозможные тыловые службы и учреждения эвакуировались в большой спешке. Если производства вывозили до последней пылинки, чтобы врагу ничего не досталось, то с остальными обстояло сложнее, спасали в первую очередь жизни, а все прочее — по остаточному принципу.

Посмотреть на студентов было интересно. До столичного госпиталя они, наверное, добрались первый раз за время войны, обычно стажировку такие ребята проходили на передовой. Считаю, уже сложившиеся специалисты, доучивать их в тылу некогда, там каждые руки на счету.

Я в тылу не бывала, но хватило фантазии сообразить, что условия там едва ли не хуже, чем на передовой. Учитывая, что отступали на высокогорье, ища укрытия в старых шахтах и на границе с гномьими княжествами, надо думать, что для студентов самым большим счастьем покажется даже не крыша над головой, а тот самый усиленный паек, полагающийся целителям.

Угадала. Эльфы вообще не отличаются крупным телосложением, мы обычно худощавые, гибкие и жилистые, а эти... По-моему, кроме костей и кожи там ничего не осталось. Хотя нет, вру. Остались горящие любопытством глаза и аккуратно вплетенные в косы тонкие красные ленточки. Потрепанные, потертые, кое у кого — засаленные. При виде них больно кольнуло в груди, но я отогнала это ощущение и сопутствующие мрачные мысли. Давно ли я сама такую носила?

Три десятка Перворожденных, восемь человек, больше половины — маги, толклись в фойе главного корпуса, с любопытством озираясь и провожая взглядами стремительно проходящих мимо сотрудников в светло-синей, зачастую затертой до сизого цвета униформе. Установить видовую принадлежность студентов можно было разве что по ушам да по ауре, в остальном — одинаковые ходячие анатомические пособия. Особняком стоял единственный в компании менталист. Мальчик выглядел самым мелким и худощавым из всех, хотя особенно забитым или несчастным не казался, просто они все по жизни одиночки. Черные волосы коротко острижены — опять же у единственного — а взгляд темно-синих, почти черных глаз, при всем безразличии, казалось, пронизывал насквозь. Но с ними такое сплошь и рядом, я привыкла.

Однако, как нам повезло: такой специалист, пусть и недоученный, очень кстати. Их на весь город трое, и только один в свободное время помогает при госпитале. Менталисты — вообще самые редкие маги в мире.

— Здравствуйте, товарищи студенты, — с улыбкой приветствовала я. Мне ответили нестройным хором и заинтересованными взглядами. — Давно прибыли? Староста есть?

— Я, наверное, — неуверенно отозвалась невысокая девочка с кошачьими зелеными глазами и белоснежной косой, в которой алая полоска ленточки выделялась особенно ярко. — Танагриаль Вириталь Данат-эль, — проговорила она смущенно и даже как будто виновато, потупив взгляд. Но — проговорила, и я не удержалась от усмешки.

— Таня хорошая, — совершенно неожиданно высказалась человеческая девушка — единственная девочка среди людей и одна из трех магов — и, сделав шаг вперед, остановилась рядом с подругой, слегка загородив ее плечом. Серые и неожиданно холодные для такого яркого рыжего цвета волос глаза смотрели на меня упрямо и задиристо. Рыжая была на полголовы выше и, похоже, отличалась нравом заправского сорванца.

— Да я разве спорю? — отмахнулась и подмигнула смущенной белобрысой. — Не волнуйтесь, не к светлым попали, к своим. Вы давно в горах-то, что так дичитесь?

— Люди там родились, а мы в основном совсем детьми попали, — за всех ответила Танагриаль, окинув товарищей взглядом. — Там к нам привыкли, никто на масть не смотрел, но мама все равно боялась. Там все-таки тыл, а тут...

— А тут мы как будто за это и воевали, — фыркнув, оборвала ее я. — Так что не бойся, кто-то, может, и покосится недобро, ну так идиотов везде хватает. В общем, не дергайтесь и чувствуйте себя как дома. И все-таки, давно прибыли?

— Два часа как, — слегка приободрившись, отозвалась староста.

— На перекладных добирались?

— Нет, нам... транспорт выделили, — поморщилась она. Кто-то из ребят тихонько выругался себе под нос, кто-то демонстративно потер седалище, а я опять не удержалась от ухмылки. Понятно, что им за транспорт выдали — небось грузовик с наспех сколоченными лавками. Видимо, эвакуировали их совсем уж в глушь, железки там нет — ее для заводов прокладывали — нормальное воздушное сообщение тоже пока отсутствует. От гор трястись сюда больше суток на той деревянной лавке, да по военным дорогам...

— Давайте-ка мы с вами начнем с приятного и сначала поедим, потом прогуляемся до вашего временного пристанища, а там посмотрим. Может, отложим экскурсию на завтра, вы хоть отдохнете. Меня, кстати, можете звать Тилль.

— И все? — растерянно уточнила староста.

— Все зовут и вы зовите — я привыкла. Ну что, двинулись навстречу здоровому питанию и сну!

Молодежь загомонила, утверждая, что отдохнуть они могут и после экскурсии. Но против «поесть» никто не возражал, и я, призвав выводок будущих целителей к порядку, решительно двинулась в сторону столовой.

Причина беспокойства Танагриаль была понятна — девочка являлась не просто светлой, но светлой высокород-

ной. У нас вообще очень просто определить по имени, кто и откуда взялся. Первое имя — собственное, и его окончание напрямую характеризует род: для древнего рода «ор» у мужчин, буквально означает «великий», и «аль» — у женщин, буквально «прекрасная». Второе имя дается по матери, третье — отцовское без окончания, но с добавлением фамильного артикля. Эль — для светлых, дар — для темных, ир... до недавнего времени считалось пренебрежительным, такой артикль носили так называемые «дикие» — отлученные, опальные, вышедшие из недостойных называться высоким именем родов. А дальше обычно называли имя рода, если оно имелось. У высокородных светлых оно имелось у всех, потому что, лишаясь имени рода за какие-то прегрешения, эльф лишался и права на артикль «эль».

Имена что отца, что матери светлой, мне ничего не говорили. Надо будет спросить тихонько, из какого все-таки рода она вышла? Не то чтобы принципиально, но любопытно. Что бы девушка себе ни думала, но светлые среди нас тоже попадались, даже высокородные — из тех, что разделяли убеждения Валлендора и его соратников. Да что далеко ходить, Валек и сам был светлым до мозга костей. Правда, светлым, в отличие от большинства их, в хорошем смысле этого слова — со светлой головой и светлым сердцем.

В столовую студенты вошли с благоговейным восторгом, а на еду набросились с таким видом, будто голодали всю жизнь. Да, может, и вправду голодали...

После сытного обеда, несмотря на браваду, детей заметно разморило. Они пытались хорохориться и упрямитесь, но без прежнего энтузиазма, так что вместо экскурсии мы первым делом направились в казармы — осмотреться, там я страдалцев и оставила. При виде коек с тонкими матрацами и застиранного, но чистого постельного белья их желание немедленно приступить к учебе заметно пошатнулось.

— Это что за табун глистов ушастых? — мрачно поинтересовался у меня на выходе из казарм дежурный бригадир, личность на редкость колоритная.

Огромный пожилой угрюмый орк Кхавра Рых еще до войны был дежурным по казармам, в которых размещался весь городской сухопутный гарнизон, а с начала войны — бессменным дежурным. Тогда же ему присвоили чин бригадира — звания в нашей армии отличались от прежних, так что переименовали всех. К войне Кхавра оказался не годен ввиду отсутствия правой руки и правого глаза, а здесь нашел свое место. Своего рода городская достопримечательность. Помимо того что он великолепно исполнял свои обязанности (ему и одной руки хватало, чтобы поддерживать на подведомственной территории дисциплину), он еще и город знал как свои четыре пальца, и что особенно важно — старые подземелья под этим городом.

Но даже не это его отличало от всех прочих, гораздо важнее была примечательная наружность и манера речи.

— А тебя разве не предупредили?

— Мне сказали — тридцать восемь рыл по тумбочкам распределить, так я вон белье по местам расставил и жизненное пространство освободил. А кто они по фамилии и роду деятельности — не доклали.

— Студенты-целители, — пояснила, тщетно пытаюсь справиться с улыбкой.

— О как! — крикнул старый орк, бросив нехороший взгляд в сторону прикрытой двери. — Грамотные все насквозь, а устава не нюхали.

— Кхавра, не обижай детей, они вон и так, как ты точно подметил, глисты, у них и без устава тяжелое детство, — попросила я. — Может, это временная мера и общежитие скоро восстановят...

— Да ладно, пусть лежат, если беспорядки нарушать и дисциплину хулиганить не будут, а отбиваться станут по часам, — смягчился орк. — От того общежития одна проходная и осталась, чтобы коменданта покласть.

— За это не волнуйся, они ребята дисциплинированные, — утешила я.

Кхавра в ответ скептически хмыкнул и вразвалочку потопал в каптерку.

Однако об одном я не подумала, когда решила уложить детей спать. Им, конечно, хорошо, они отдохнут с дороги и завтра будут чувствовать себя пристойно, но... мне-то что до вечера делать? Честно говоря, особого желания болтаться по зданию правительства и до этого не возникало, это, скорее, был зов долга и совести, а сейчас даже они приумолкли. По-хорошему, там все прекрасно обойдутся и без меня, для решения политических вопросов я не нужна, разберутся сами, а что до ритуала... Все, что от меня требовалось, я подготовила уже давно, в крайнем случае — и без меня найдутся способные на подобное свершение.

Я засунула руки в карманы, перевалилась с пятки на носок и обратно, задумчиво огляделась по сторонам. Нащупала портсигар, оживилась было, но вспомнила, что там пусто, как в государственной казне, и загрустила. Правда, что ли, зайти домой да заняться делом? Вроде бы папиросная бумага у меня еще осталась, да и все нужные травы как раз подсохли.

В общем, решено, гулять — так гулять. Накручу себе курева, устрою постирушки и на пару часиков до заката и ритуала завалюсь спать, благо — времени еще уйма. Будет у меня хозяйственный день: и без магии, и польза для дела. Как ни прискорбно это осознавать, но Валлендор прав, мои попытки сгореть на работе никому никакой пользы не принесут, так что — надо менять стратегию.

И я решительным шагом двинулась к тому месту, которое в последнее время гордо именовала домом.

Приморский — небольшой городок. Он лежит в тесном ущелье, и ему попросту некуда разрастаться. Горы вокруг невысокие — даже не горы, скорее, скалы — но крутые и иссеченные трещинами, за которые цепляются невысокие корявые сосенки. Много лет назад, когда эти места еще не накрыла тень Великого Древа, здесь находилась крошечная рыбацкая деревушка. Потом бухта заинтересовала властей

предержащих своим удобством и защищенностью от суровых северных ветров, и тут построили торговый порт. А где торговый — там и военный, и вскоре в воротах бухты — единственном проходе между прибрежных скал, ведущем в почти ровную круглую чашу залива — был построен укрепленный форт, прикрывший городок от угрозы с моря.

Самая большая проблема таких городов, построенных в уютных горных ложбинах, это недостаток пресной воды. Приморскому в этом вопросе очень повезло: скалы под городом изъедены пещерами, а в этих пещерах есть пресные озера. Вода из-за известковых примесей имеет неприятный запах, дает густой осадок, но, главное, она имеется.

Когда-то — совсем недавно! — это был красивый город. На площадях били изумительной красоты фонтаны, белоснежные фасады зданий оттенялись густой зеленью раскидистых деревьев, на улицах звенели голоса, тарахтели туда-сюда грузовики, подобно большим бурым муравьям растаскивающие из порта контейнеры, гудели длинные товарные поезда.

Сейчас... по сравнению с картинами довоенных лет город казался мертвым. Впрочем, нет, я несправедлива, это во мне говорят застарелая злость и усталость. Сейчас он, скорее, напоминал больного, начавшего оправляться от долгой, трудной, выматывающей болезни. Пожелтевший, отощавший, но упрямо цепляющийся за жизнь. Приморский победил и выжил, а все остальное уже не так важно. Мне ли не знать, что воля — главное условие выздоровления?

Угол, который мне выделили для проживания, можно было назвать роскошным. Во-первых, добротный дом, когда-то принадлежавший кому-то из представителей элиты, с честью выдержал бои, сохранив в целостности свои стены и крышу. Во-вторых, здесь имелся даже работающий водопровод, и на одну уборную приходилось всего четверо жильцов, причем все — мои знакомые, целители из того же госпиталя.